

ВОЕННАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Законы и закономерности военного управления

Генерал-лейтенант В.А. ЧЕРНЫХ,
кандидат политических наук

ЗАКОН как философская научная категория представляет собой необходимое, существенное, устойчивое, повторяющееся отношение между явлениями в природе и обществе. Понятие закона родственно понятию сущности. Существуют три основных группы законов: специфические, или частные; общие для больших групп явлений; всеобщие, или универсальные. Познание законов составляет задачу науки.

Законы понимаются в двух смыслах: *как нормативные акты*, принятые и утвержденные в установленном порядке высшими органами государственной власти, имеющие *субъективный характер*, так как отражают степень интеллекта разработчиков и членов законодательного собрания, руководителей государства, расстановку политических сил, заинтересованных в принятии закона, а также многочисленные поправки, уступки и другие факторы; *как необходимые, существенные, устойчивые, повторяющиеся связи и отношения* между явлениями в природе и обществе, имеющие *объективный характер*, т. е. существующие независимо от сознания человека.

Помимо законов различают также *закономерности и тенденции*.

Закономерность в обществе проявляется как повторяющаяся связь явлений общественной жизни, этапов общественного прогресса. В целом закономерность в пространстве и времени уже, чем закон.

Тенденции определяют основную линию, направление развития, но не предопределяют множества случайностей и отклонений, через которые необходимо пробивать себе дорогу.

В сфере военного управления, как и в любой другой сфере сознательной деятельности, действуют многообразные **законы управления**. Будучи познанными и правильно использованными, они предоставляют руководителям широкое поле для созидательной и эффективной работы.

Законы управления имеют характер всеобщности для всех общественных формаций, для всех видов управленческой деятельности. Бесконечность содержания процессов и явлений объективного мира предполагает и бесконечность законов, в нем действующих. Поэтому речь может идти только о тех из них, которые вскрыты и достаточно исследованы на современном этапе развития.

Основными законами военного управления на современном этапе разработки теории военного управления являются: закон единства и целостности систем военного управления; закон обеспечения необходимого числа степеней свободы систем военного управления; закон необходимого разнообразия систем военного управления; закон соответствия управляющей и управляемой систем; закон решающего (слабого) звена; закон цели.

Закон единства и целостности систем военного управления — один из важнейших законов формирования, функционирования и развития системы управления. *Этот закон гласит: система управления (то есть управляющая подсистема) будет функционировать эффективно, если она обладает организационным, функциональным единством и целостностью в соответствии с объективно определенными целями и задачами управления.* Только в этом случае свойства и возможности системы как единого целого могут превысить сумму свойств и возможностей ее отдельных элементов, что обусловлено их взаимодополнением, взаимоподдержкой и взаимовлиянием.

Единство системы управления означает устойчивость внутренних организационных связей элементов данной системы, согласованность их функционирования, способность системы сохранять свою целостность в изменяющихся условиях ее существования и развития.

Необходимыми условиями обеспечения единства системы управления являются: единство законодательной базы и основополагающих требований к организации управления; единство принципов управления данной системы для всех звеньев и уровней, их неразрывная связь, всеобщность по масштабам и сферам применения, организационное (нормативное) закрепление важнейших из них; согласованность организационных форм управляющего воздействия (*форм управления*) по различным уровням и звеньям системы управления; единство в подходах к реализации основных функций управления; единство системы методов управления и основных требований независимо от уровня управления и сферы деятельности.

Единство системы управления предопределяет необходимость ее построения на основе единых принципов, подходов и единых интересов. Это отнюдь не означает унификацию, единообразие уровней, звеньев и подходов в управлении.

Целостность системы ставит в зависимость каждый элемент системы, его свойства и отношения в рамках системы от его функций, места внутри целого. Воздействие на один из элементов системы обязательно вызывает реакцию, изменение других элементов. Так, изменения в объекте управления неизбежно вызывает (или должно вызывать) адекватные изменения в структуре и функционировании субъекта управления.

Закон обеспечения необходимого числа степеней свободы систем военного управления — один из важнейших законов организации управления. Он является основой формирования организационной структуры управления в данном органе военного управления. Соблюдение закона влияет на продолжительность цикла и качество управления. Данный закон гласит: *система управления (т. е. управляющая подсистема) будет функционировать эффективно, если в ней для каждого звена управления и каждого должностного лица на каждом иерархическом уровне системы управления точно определены и официально закреплены предназначение, цели, задачи и полномочия, точно установлены границы ответственности.*

Необходимыми условиями обеспечения требуемого числа степеней свободы системы управления являются: соответствие объема прав объему обязанностей; соответствие вида звена управления (органа управления) его компетенции (меньший объем обязанностей, прав и ответственности у нижестоящего звена управления по сравнению с аналогичным вышестоящим звеном); предварительное определение полного состава обязанностей или органично необходимых функций; соответствие объема (величины) ответственности объему обязанностей и персонализации ответственности; фиксация, организационное оформление распределения обязанностей, прав и ответственности; принятие максимума решений на более низком уровне управления.

Закон необходимого разнообразия систем военного управления — один из важнейших законов формирования, функционирования и развития системы управления. Суть закона состоит в том, что *управляющая подсистема, должна обладать достаточным разнообразием управляющих воздействий, иметь соответствующую пропускную способность по переработке информации и выдаче управляющих воздействий, с тем чтобы успешно справиться с разнообразием системы и обеспечить ее функционирование и развитие в соответствии с потребностями управляемой подсистемы.*

Наиболее понятным объяснением действия этого закона будет следую-

шее: *каждый объект управления должен иметь свой строго определенный субъект управления, способный им управлять.*

Закон соответствия управляющей и управляемой подсистем гласит: *система управления (то есть управляющая подсистема) может эффективно функционировать, если в ней всякое управляющее воздействие субъекта управления будет соответствовать состоянию, положению и специфике объекта управления.*

Данный закон отражает взаимосвязь и взаимообусловленность управляющей подсистемы (субъекта управления) и управляемой подсистемы (объекта управления), их соотносительность.

Этот закон требует от субъекта управления в первую очередь познания закономерностей состояния и развития того объекта, которым он предполагает управлять, и при этом управлять эффективно.

Закон соответствия управляющей и управляемой подсистем находит свое воплощение в ряде конкретных требований, а именно: качественные или количественные изменения в управляемом объекте должны сопровождаться соответствующими изменениями в управляющей подсистеме (в организационной структуре управления, перераспределении власти и делегировании полномочий, профессионально-квалификационном составе управленческих кадров и т. д.); структура и функции органов управления каждого уровня должны соответствовать положению данного уровня в иерархии системы управления; характер и объем управленческой информации должны соответствовать уровню иерархии управления; руководитель должен делегировать должностному лицу органа управления достаточно полномочий, чтобы оно было в состоянии выполнять те задачи, за которые несет ответственность.

Закон решающего (слабого) звена гласит: если в процессе управления участвуют звенья (подразделения) органа управления, зависящие друг от друга, то эффективность деятельности органа управления в целом будет зависеть от эффективности работы *слабейшего звена*, как бы ни были сильны другие звенья.

Закон цели сводится к тому, что производительность управленческого труда будет иметь тенденцию к увеличению, если выполняемая работа ориентирована на такие цели, которые поняты исполнителями и приняты ими к практической реализации.

Знание законов военного управления является основой научного подхода к управлению.

Для обеспечения эффективной деятельности органов военного управления на основании вскрытых законов и выявленных закономерностей управления устанавливаются единые для конкретной сферы деятельности **принципы управления.**

Принципы управления служат связующим звеном между теорией и практикой, переводят содержание теоретических положений науки управления на язык практики управления.

Связь теории и практики управления осуществляется посредством разработки принципов управленческой деятельности. В принципах управления раскрываются подходы к построению, выбору способов, форм и методов осуществления воздействия, характера взаимодействия субъекта и объекта управления.

Совокупность принципов управления войсками, их содержание и организация применения в управленческой деятельности рассматриваются **теорией управления.**

Принципы управления обязывают учитывать накопленный веками опыт управления, выявленные наукой управления закономерности и тенденции в практике управления.

Принцип (от лат. *principium* — начало, основа) — *основное исходное положение какой-либо теории, учения, науки, мировоззрения, политической организации. Внутреннее убеждение человека, определяющее его отношение к действительности, нормы поведения и деятельности*¹.

Принципы управления — *основные правила, которые должны соблюдаться субъектом управления при организации управления и осуществлении управленческой деятельности.*

Принципы управления являются одной из форм целенаправленного использования в практике управления вскрытых наукой объективных законов и закономерностей управления.

В управлении различают **общие** (основные) принципы управления; **организационно-технологические** принципы; **частные** (функциональные) принципы.

Общие принципы раскрывают содержательную и общецелевую направленность управления в любой сфере управления. Они в равной мере применимы ко всем сферам управления, в том числе к государственному и военному управлению. **Организационно-технологические принципы** раскрывают организационную и технологическую стороны управления. **Частные (функциональные) принципы** управления направлены на обеспечение эффективного функционирования системы управления в определенной сфере.

Принцип системности предполагает: всесторонний учет условий и факторов влияния; рассмотрение субъекта и объекта управления как целостной системы, состоящей из различных звеньев и уровней; взаимную увязку намечаемых мероприятий, обеспечивающую необходимую полноту и глубину проработки той или иной проблемы, решение той или иной задачи; взаимосвязь конкретного плана с другими планами органа военного управления по целям, задачам, срокам исполнения и другим параметрам, с тем чтобы обеспечить единую систему управленческих действий и исключить неоправданное дублирование мероприятий.

Основное содержание **принципа научной обоснованности** заключается в степени использования в процессе управления достижений науки управления, особенно инновационных технологий управления.

Общими принципами также являются: **принцип законности**; **принцип объективности**; **принцип саморегулирования**; **принцип казуальности (причинности)**; **принцип обратной связи**; **принцип оптимальности**; **принцип вероятности**; **принцип прогнозирования** и др.

Принцип законности — точное, неукоснительное и единообразное применение и выполнение норм права в системе управления. Основой соблюдения законности при организации управления служит верховенство закона и приоритет нормативных актов вышестоящей системы управления. Все остальные нормативные акты должны основываться на них и не противоречить им. Принцип законности предполагает прежде всего иерархию нормативных правовых актов.

Принцип объективности предполагает необходимость познания объективно существующих закономерностей и тенденций развития обстановки, основанного на достоверных фактах, а не на слухах и домыслах, непроверенной информации. Он означает непредвзятость, строгое соответствие выводов и оценок объективной реальности, обуславливает необходимость постоянного слежения за развитием обстановки и изучения ее влияния на положение дел в органе управления, соразмерность определения целей реальным возможностям их достижения.

Принцип саморегулирования предполагает способность системы само-

¹ Российский энциклопедический словарь. М.: Научное изд-во «Большая Российская Энциклопедия». 2001. С. 1251.

стоятельно реагировать на возмущающие воздействия, нарушающие ее нормальное функционирование, и без воздействия извне изменять свою организационную структуру, совершенствовать организацию управления. Этот принцип неразрывно связан с процессами децентрализации, предполагает самостоятельный выбор целей с учетом установленных ограничений и путей их достижения при сохранении взаимодействия со смежными и иерархическими структурами.

Принцип каузальности (причинности) предопределяет необходимость выявления обусловленности, объяснения причин оцениваемого явления. По мере накопления данных об изменениях того или иного элемента обстановки все более четко проявляются тенденции в его развитии, что позволяет своевременно принимать соответствующие решения. Принцип каузальности требует своевременного внесения в планы корректировок, обусловленных изменениями обстановки или результатами выполнения ранее намеченных планов; означает необходимость учета не только изменения со временем качеств функционирования системы управления в лучшую или худшую сторону, но и изменения условий деятельности, характера решаемых задач, субъективных показателей, обуславливающих эффективность этой деятельности.

Принцип обратной связи означает, что эффективность управления напрямую зависит от состояния обратной связи, позволяющей субъекту управления получать информацию о результатах достижения заданной цели, решении поставленной задачи, состоянии системы управления и необходимости ее корректировки или перестройки, если желаемый результат не получен, об условиях функционирования управляемой системы.

Повышению эффективности канала обратной связи в организации управления могут способствовать: совершенствование системы отчетности, контроля и проверки исполнения; систематическое поступление информации в АСУ, ее накопление и обработка; совершенствование работы АСУ по автоматизированной обработке информации, циркулирующей в процессе управления; повышение качества первичной информации, поступающей по каналам обратной связи; использование дублирующих, а также независимых по отношению к данной системе управления каналов и источников получения информации о состоянии, положении и характере действий подчиненных.

Принцип оптимальности — достижение максимального результата при минимальных затратах. Оптимальность — такое состояние, при котором обеспечивается достижение максимума или минимума значений каких-либо параметров. Принцип оптимальности предполагает наличие критериев, по которым должна устанавливаться оптимальность достигнутых результатов. Оптимальность управления достигается преднамеренным выбором наиболее целесообразного содержания, форм, методов и приемов управляющего воздействия, обеспечивающих повышение эффективности управления.

Для достижения оптимальности управления необходимы следующие условия: наличие функционально соответствующих управляемому объекту органов управления; принятие решений на основе объективной информации, адекватно отражающей состояние объекта управления; наличие достаточных ресурсных возможностей для решения поставленных задач; наличие хорошо отлаженного механизма обратной связи.

Принцип вероятности обусловлен многовариантностью развития исторического процесса, который по природе своей вероятен, заранее строго не определен и не запрограммирован. Принятие тех или иных решений может повлечь за собой непредсказуемые последствия. Для ослабления

воздействия негативных последствий необходимо принятие наиболее обоснованных решений и умелое применение соответствующих принципов и методов управления.

Принцип прогнозирования предопределяет, что поиск оптимальных путей достижения целей управления в новых условиях возможен на основании выявленных тенденций развития обстановки в целом или ее элементов. Он применяется для определения последствий принимаемых решений и представляет собой научно обоснованное суждение о возможном состоянии объекта изучения (процесса в будущем) или об альтернативных путях и сроках достижения этих состояний в целях оптимизации организации управления. Большинство прогнозов, используемых в управлении, сопровождается оценкой степени их вероятности.

На основе **организационно-технологических принципов управления** реализуется организационно-распорядительная и административно-исполнительная деятельность органов управления. Среди этой группы принципов особое значение имеют принципы: разделения труда; иерархичности; оптимального сочетания централизации и децентрализации; делегирования полномочий; сочетания единоначалия с коллегиальностью; сочетания уровней управления; конкретности; одного начальника; диапазона управления и др.

Принцип разделения труда — форма организации управленческого труда, при котором весь управленческий процесс делится на отдельные функции, каждую из которых выполняет группа лиц или отдельный оператор. Он означает наделение соответствующего органа управления или должностного лица определенными конкретными правами и обязанностями, возложение на него ответственности за решение поставленных перед ним задач. Этот принцип позволяет сокращать длительность управленческого цикла, повышать качество и эффективность труда, придавать системе управления большую целенаправленность, четкость и динамичность в управлении.

Принцип иерархичности при многоуровневом построении системы за каждым уровнем закрепляет соответствующий объем задач управления. Он предполагает определенную автономию управления на каждом уровне. Однако система управления каждого уровня является объектом управления для системы управления более высокого уровня. При прямой подчиненности управляющее воздействие одного уровня является таковым лишь по отношению к ближайшему нижестоящему уровню. Этот принцип означает ответственность нижестоящих структур управления перед вышестоящей. При этом каждое должностное лицо иерархии отвечает за весь доверенный ему участок работы и за деятельность подчиненных ему лиц. В этом проявляется субординация организационных отношений.

Принцип оптимального сочетания централизации и децентрализации утверждает, что для каждой ситуации существует оптимальный баланс между централизацией и децентрализацией.

Централизация управления — процесс усиления, расширения прав и полномочий Центра при одновременном сужении, сокращении прав и полномочий соответствующих нижестоящих органов управления той же системы.

Децентрализация управления — процесс обратный централизации управления. Он выражается, прежде всего, в предоставлении права принимать решения по более широкому кругу вопросов на нижестоящих уровнях управления и ранее входивших в компетенцию вышестоящего органа управления, в росте числа функций, выполняемых нижестоящими уровнями управления. Смысл децентрализованного управления заключается в том, что каждый уровень управления, каждое звено системы управления

должно заниматься своим делом, чтобы не перегружать более высокие инстанции массой текущих дел, отвлекающих от решения крупных проблем, и чтобы низшие инстанции могли оперативно решать вопросы, входящие в их компетенцию. Превышение разумных пределов децентрализации в системе управления неизбежно приводит к потере или ослаблению управляемости.

Принцип делегирования полномочий означает передачу части прав от одних органов управления или должностных лиц другим. Суть этого принципа заключается в том, что руководитель предоставляет своим подчиненным право решать определенные (конкретные) задачи, вопросы или осуществлять соответствующие действия, ответственность за которые непосредственно несет руководитель органа управления.

Делегирование полномочий способствует более оперативному (быстро и своевременно) принятию решений, реализации других управленческих функций. Делегированию подлежат не все, а лишь часть прав, которыми наделен руководитель. Делегированию не подлежат права, которые должны быть реализованы только самим руководителем.

Принцип сочетания единоначалия с коллегиальностью выражается в праве субъекта управления отдавать распоряжения, обязательные для исполнения, и обеспечивать их выполнение, а также в единоличной ответственности руководящего должностного лица за выработку и принятие управленческих решений. Принцип единоначалия неразрывно связан с коллегиальностью (коллективным управлением), которая заключается в совместной оценке обстановки и разработке управленческих решений группой специалистов и ответственных должностных лиц данного или нижестоящего уровня управления. Этот принцип позволяет вовлечь в выработку решений руководителей различных уровней и звеньев управления, значительно повысить качество принимаемых решений и степень ответственности за них должностных лиц.

Принцип одного начальника заключается в том, что каждый нижестоящий исполнитель должен напрямую подчиняться, выполнять указания и докладывать одному вышестоящему должностному лицу.

Суть **принципа диапазона управления** заключается в том, что любой вышестоящий начальник несет ответственность за деятельность строго определенного числа подчиненных ему лиц.

Частные принципы — это принципы, обеспечивающие эффективное функционирование систем управления в различных сферах целенаправленной деятельности. Их подразделяют на принципы, применяемые в различных сферах государственного управления (экономической, социально-культурной и административно-политической); принципы, применяемые в военном управлении, управлении Вооруженными Силами, управлении войсками и т. д.

Принципами управления войсками являются: принцип единоначалия; принцип централизации управления с предоставлением подчиненным инициативы в определении способов выполнения поставленных им задач; принцип твердости и настойчивости в проведении принятых решений (планов) в жизнь; принцип оперативного и гибкого реагирования на изменение обстановки; принцип личной ответственности командующих (командиров, начальников) за принимаемые решения, применение подчиненных войск и результаты выполнения ими поставленных задач.

Принцип единоначалия — основной принцип управления войсками. Он заключается в предоставлении командующему (командиру, начальнику) всей полноты единоличной распорядительной власти и возложении единоличной ответственности за принятие и реализацию решения, состояние и результаты действий подчиненных ему войск.

Принцип централизации управления с предоставлением подчиненным инициативы в определении способов выполнения поставленных им задач обусловлен тем, что в управлении войсками требуется более жесткая, чем в невоенных сферах управления, концентрация властных полномочий на верхнем уровне управления. В то же время силы и средства, необходимые для выполнения боевых задач, не безграничны, поэтому их использование должно быть оптимальным. Это необходимо для того, чтобы обеспечить вышестоящей инстанции возможность в короткие сроки принять решение и сосредоточить основные усилия и имеющиеся ресурсы на достижении главной цели, решении наиболее важных задач, подчинении действий войск единому замыслу и плану.

Централизованное управление позволяет командующему (командиру) добиваться в короткие сроки успешного решения задач не только при превосходстве сил и средств, но и при равных и даже меньших силах, а также наилучшим образом координировать действия соединений и частей видов Вооруженных Сил, родов войск и специальных войск, других войск РФ. Оно дает возможность наиболее эффективно применять оружие и боевую технику, быстро переносить усилия с одного направления на другое, контролировать действия всех войск, входящих в состав объединения, при необходимости брать на себя управление любым соединением, воинской частью.

Однако централизация управления войсками имеет не только положительные, но и отрицательные стороны. Она ограничивает инициативу подчиненных командиров, снижает оперативность управления, не позволяет в полной мере использовать выгодные условия обстановки, которые могут возникать в короткие промежутки времени. Ожидание указаний сверху может быть губительным, здесь нужна инициатива подчиненного в рамках решения общей задачи.

Из всего сказанного видно, что наряду с централизацией управления возникает необходимость его децентрализации и их сочетания, которое заключается в предоставлении подчиненным инициативы в определении способов выполнения поставленных задач, а также в заблаговременном и точном распределении функций, прав и ответственности между уровнями и звеньями управления, закрепленных в различных нормативных актах.

Принцип твердости и настойчивости в реализации принятых решений заключается в проявлении командующими (командирами) волевых качеств, направленных на обеспечение личной устойчивости от внешних и внутренних воздействий; умении неуклонно, вопреки трудностям и препятствиям, доводить до конца принятые решения и планы; готовности приложить все усилия, чтобы подчинить свои действия и действия войск достижению поставленной цели, иногда вопреки побуждениям, непосредственно действующим в настоящее время.

Принцип оперативного и гибкого реагирования на изменение обстановки заключается в своевременном принятии командующими (командирами), штабами и другими органами управления решений и постановке ими задач подчиненным органам управления и войскам, обеспечивающим их подготовку к действиям по различным вариантам адекватно складывающейся обстановке.

Принцип гибкости обязывает предусматривать возможность маневра, использования тех средств, форм и методов управления, которые в наибольшей мере отвечают специфике изменившейся ситуации, чтобы обеспечить последовательное продвижение к намеченной цели даже при возникновении неблагоприятных условий, непредвиденных обстоятельств и осложнений.

Принцип личной ответственности командующих (командиров, начальников) за принимаемые решения, применение подчиненных войск и результаты выполнения ими поставленных задач заключается в сознательном соблюдении командующими (командирами, начальниками) морально-этических норм, которые не противоречат принятым человеческим ценностям и исключают достижение целей любыми способами и средствами, а также в осуществлении ими контроля в различных формах за выполнением подчиненными органами управления и войсками принятых норм и правил.

Подводя итог, можно утверждать, что принципы управления — это основные правила, которые должны соблюдаться в управленческой деятельности органов военного управления. Принципы управления являются одной из основных форм целенаправленного использования объективных законов и закономерностей науки управления в практике управления. По своей природе они объективны, поскольку отражают реальные условия функционирования управления той или иной сферой деятельности, и в то же время субъективны, так как применяются конкретной личностью. Они стабильны, поскольку выражают сложившиеся, наиболее устойчивые представления об эффективном управлении, и вместе с тем в определенной степени способны к изменению, что обуславливается различными условиями их применения и требованиями, предъявляемыми к управлению войсками и управленческой деятельности того или иного органа военного управления.

Об использовании подземного пространства в ходе боевых действий

*Полковник М.В. ВИНИЧЕНКО,
кандидат исторических наук*

ВИНИЧЕНКО Михаил Васильевич родился 29 июня 1960 года. С отличием окончил Свердловское суворовское военное училище (1977), Ленинградское высшее общевойсковое командное училище (1981), Военную академию бронетанковых войск (1993). Службу проходил в Ленинградском и Одесском военных округах на различных командных и штабных должностях. С 1996 года (после окончания адъюнктуры) — на преподавательской работе в Военной академии бронетанковых войск, а затем в Общевойсковой академии ВС РФ. В настоящее время является заместителем начальника кафедры истории военного искусства Общевойсковой академии ВС РФ, доцент, автор 45 научных трудов и статей.

КАК СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ опыт войн и вооруженных конфликтов, воинским формированиям Сухопутных войск приходится постоянно сталкиваться с проблемой использования подземного пространства в ходе ведения боевых действий. Прежде всего это

обусловлено достаточно быстрым развитием средств вооруженной борьбы, особенно воздушных и космических. А поскольку многие страны оказались не в состоянии создавать столь высокотехнологичное оружие, в ходе войн и вооруженных конфликтов фактически происходит захват воздушного, а впоследствии космического пространства отдельными высокоразвитыми государствами, которые ставят в невыгодное положение своего более слабого противника. Последние ищут асимметричные ответы, стремясь, например, надежно укрыть свои силы и средства, пункты управления, экономическую инфраструктуру под землей. К расширению подземной составляющей в вооруженной борьбе приводит также возросшая опасность эффективного поражения войск (сил) динамично развивающимся высокоточным оружием.

Кроме того, современное развитие цивилизации характеризуется бурным ростом городов и превращением их в агломерации с большой концентрацией населения и различных объектов жизнедеятельности людей. В связи с перегрузкой наземных коммуникаций крупных городов расширяется практика создания и развития системы подземных путепроводов, строительства подземных магазинов, гаражей, музеев, развлекательных центров и др. Значительное увеличение объемов перевозки людей и грузов автомобильным и железнодорожным транспортом привело к появлению масштабных проектов путепроводов для подземного «преодоления» водных преград и горных массивов. Так, подземным тоннелем соединены Франция и Великобритания, подземные дороги функционируют под заливом Виктория (Гонконг). Развитие подземной составляющей цивилизации создает предпосылки для ее активного использования в вооруженной борьбе.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что **роль и значение подземного пространства в достижении военных целей продолжают возрастать**. Его возможности будут широко использоваться для скрытия сил и средств, замыслов операций (боевых действий), передвижения войск, совершения маневра и для других целей, причем не только регулярными ВС той или иной страны, но и международными террористическими организациями. Однако в настоящее время проработке теории этого аспекта военного искусства уделяется неоправданно мало внимания, в результате чего существуют определенные недоработки, неточности и противоречия даже в соответствующем понятийном аппарате.

Такое положение дел обусловлено как объективными, так и субъективными причинами. Несмотря на то что подземное пространство использовалось вооруженными формированиями практически во все времена, исследования по этим вопросам проводились нерегулярно. Расширение масштабов вооруженного противоборства, возрастание динамичности боевых действий нередко уводило военных ученых в сторону от проблем умелого использования «подземелья». К тому же теорией и практикой ведения вооруженной борьбы под землей в основном занимались специалисты инженерных войск. Общевойсковые командиры сталкивались с этим, как правило, уже в ходе боя, что нередко негативно сказывалось на его результатах. В этой связи целесообразно, на наш взгляд, опираясь на довольно обширный и многообразный исторический опыт, **провести анализ эволюции понятий и представить современное видение этой проблемы**, помня, что любое понятие должно носить исторический характер.

Известно, что еще за 1500 лет до н. э. при осаде и обороне городов нередко прибегали к подкопам. Однако стройной теории использования подземного пространства в ходе военных действий долгое время не существовало, в разное время теоретики и практики военного дела лишь описывали соответствующие отдельные приемы и способы. Только во второй половине XVIII века Флавий Вегеций одним из первых предложил подразделять под-

земные ходы (до появления пороха) на два типа: первый — *простые подземелья*, предназначенные для скрытого прохода войск к объекту атаки, второй — *минные галереи* для производства обвалов в городских стенах¹. Такое деление подходило для наступавших армий. Оборонявшиеся же, определив направление действий противника под землей, стремились отрыть встречную галерею и уничтожить или захватить вражеский подземный ход, как это было, например, при обороне города Барцеи (569 год до н. э.). Нередко применялся и другой способ — создание *подземной ловушки* для тяжелых штурмовых сооружений. Так, при осаде Родоса Дмитрием Полиорцетом (304 год до н. э.) оборонявшиеся, видя подготовку к штурму крепости с использованием башни, сделали подкоп на пути движения этого боевого сооружения. Когда атакующие пошли на приступ и покатали башню к стенам города, она провалилась в подземную ловушку. Штурм был сорван. Кроме того, с помощью подкопов часто удавалось поджечь сооружения неприятеля, используемые для штурма крепости.

С древних времен войска под землей применяли химическое, биологическое и другое оружие. Определив место, где проходила вражеская галерея, минеры пробивали в конце ее отверстие, в которое бросали различные горючие и зловонные вещества, раскаленный песок, подожженные бочки с пухом и перьями, лили кипяток и горячую смолу, пускали воду для затопления подземного хода и т. п. В войнах Митридата при осаде Фемискиры Лукуллом (68 год до н. э.) осажденные, проникнув в галерею противника, запускали в них крокодилов, аспидов, змей, ехидн и даже хищных зверей, иногда бросали улья с пчелами, пироги, наполненные осами, и других насекомых и животных, способных устрашить неприятеля или нанести ему существенный вред².

В войнах XII—XV веков в подземельях нередко происходили боевые столкновения вооруженных формирований. Такие случаи были зафиксированы во время осады Дураццо в Иллирии (1109), замка Гэйллард (1204), Мелюна (1420) и др. Противоборствующие стороны вели галереи навстречу друг другу, врывались во вражеские проходы, и участь осажденного города решалась рукопашной схваткой под землей больших отрядов или поединком лучших бойцов. Случалось, что под землей сражались рыцари, вооруженные копьями. Осада Мелюна особенно примечательна поединками, проводившимися в минах (подкопах), причем победителей даже посвящали в рыцари³.

С технической точки зрения в «допороховой» период каких-либо единых правил использования подземного пространства в войнах, как и соответствующей стройной теории не существовало. Эффективность действий под землей зависела от уровня знаний специалистов конкретной армии, подготовленности саперов (минеров) и войск противоборствующих сторон, их технической оснащенности, а также от искусства военачальников и полководцев.

Порох в подкопах стали применять лишь в конце XV — начале XVI века. Одним из первых внедрил этот способ боевых действий под землей признанный мастер использования от «подземелья» Педро Наварро, взорвавший много крепостей, в том числе замок Дель-Ово близ Неаполя (1503). В России древнейшие пороховые подкопы были устроены при обороне Стародуба (1535), осаде Казани (1552), обороне Пскова (1581), Троице-Сергиевой лавры (1608) и др.⁴

¹ Vegetius F. De Re militar/ Lib. 4. Cap. 24.

² Боресков М. Опыт руководства по минному искусству. СПб. Типография Департамента уделов. Вып. 1. 1869. С. 7—8.

³ Там же.

⁴ Энциклопедия военных и морских наук/ Под ред. генерал-лейтенанта Леера. СПб, 1893. Т. VI. С. 626.

В этот период способы использования подземного пространства пополнились подрывом крепостных стен и других важных объектов города зарядом взрывчатых веществ, уничтожением галерей неприятеля минной (контрминной) атакой, а также созданием воронок на поверхности земли для оборудования на их основе укрытий и траншей для пехоты. При этом саперами (минерами) использовались различные термины, обозначающие работы и боевые действия под землей. Постепенно в русской военной терминологии появилось новое понятие — «минная война». Уже во второй половине XIX века в литературе часто применялся термин «подземная война». Связано это было, скорее всего, с активным использованием опыта ведения борьбы под землей европейскими и, прежде всего французскими войсками. Слово «мина» происходит от французского «mine» — «подкоп», а «минер» — «копающий землю»*. Конечно, в настоящее время употребление слова «война» не совсем подходит для определения действий под землей, однако для XIX века это было вполне приемлемо. Кроме того, в то время часто использовалось словосочетание «минная (контрминная) борьба».

Толчком к более динамичному развитию теории и практики минного дела послужил опыт подземной минной (контрминной) борьбы под Севастополем во время Крымской войны (1854—1855). Вскоре после ее окончания стали появляться первые основанные на этом опыте труды, в большинстве которых, правда, лишь описывался характер боевых действий пехоты и саперов (минеров). Более основательный труд «Минная война в Севастополе в 1854—1855 гг.» (1868) был написан Э.И. Тотлебенем и участником боевых действий Фроловым**. В нем был проанализирован опыт подземной минной борьбы под Севастополем и выдвинуты некоторые предложения по его внедрению в практику боевых действий.

Одним из первых вопросы использования подземного пространства систематизировал М. Боресков. В своем труде «Опыт руководства по минному искусству» (1869) он предпринял попытку придать стройный вид теории подземной минной (контрминной) борьбы на исторической основе. Его труд долгие годы, вплоть до Второй мировой войны, являлся основой и руководством для организации и ведения подземных минных работ и подземной минной борьбы. Продолжил исследование минного дела К. Косинский, составивший на основе многих источников «Справочную книгу для минеров», ценность которой заключалась в том, что в ней был предложен метод проведения расчетов по определению зарядов горнов и камуфлетов, выведены формулы и составлены таблицы, необходимые для грамотной, научно обоснованной подготовки к ведению подземной минной (контрминной) борьбы.

В конце XIX века подземная минная борьба рассматривалась в качестве одного из способов захвата или отражения нападения на крепости и форты. Довольно подробно теория этой борьбы излагалась в «Наставлении по минному делу» (авторы А.П. Орд и К.А. Модрах), а также в «Энциклопедии военных и морских наук», изданной под руководством Г.А. Леера. Однако принципиальных отличий в способах использования подземного пространства в этих трудах не наблюдалось. Для ведения подземной минной борьбы по-прежнему применялись галереи (каменные или деревянные), особенности устройства которых находились в прямой зависимости от их предназначения: для сообщения, обороны, одновременно для того и другого (кофры), для ведения «минной войны» и др.

В начале XX века набор способов использования подземного пространства несколько расширился, чему в значительной степени послужил опыт Русско-японской войны (1904—1905). Практика показала, что подземная

* Русские синонимы французских слов «мина» и «минер» — «сапа» и «сапер».

** Иностранные, а также российские фамилии в литературе XIX—XX вв. нередко встречаются с одним инициалом или же вообще без имени.

минная (контрминная) борьба может вестись не только при взятии или обороне крепости, но и в ходе боевых действий на открытой местности. Однако в теории особых изменений не произошло, и минная борьба по-прежнему рассматривалась в рамках борьбы за крепости и форты, т. е. «крепостной войны».

Перед Первой мировой войной под «минной войной» понимали процесс, в ходе которого осаждавший при постепенной атаке крепости доходил сапными работами до места, дальше которого было невозможно двигаться и опасно штурмовать форты ввиду губительного огня с флангов⁵. Единственным способом, облегчавшим овладение укреплениями, считались подземные мины, к которым советовалось прибегать и в тех случаях, когда атакованные укрепления были усилены контрминами. Обороняющемуся рекомендовалось использовать подземные мины в качестве мощного средства как для противодействия отдельным наземным и подземным атакам противника, так и для отражения штурмов. Понятия «минная галерея» и «минная камера» не претерпели каких-либо изменений.

Для обучения войск инженерному делу в 1909 году были выпущены «Наставление по самоокапыванию пехоты (для рядовых, ефрейторов и унтер-офицеров)» и «Наставление по самоокапыванию артиллерии (для канониров, бомбардиров и фейерверкеров)». В 1910 году вышел проект «Наставления по войсковому инженерному делу для офицеров всех родов войск», а через год в войска поступило пособие «Минное дело. Руководство для нижних чинов команд минер полевых и крепостных саперных рот». В этом руководстве капитан граф Тотлебен уточнил общие понятия о минных работах и рекомендации по профилактике и борьбе с минной болезнью, систематизировал знания и опыт применения минных галерей⁶.

В ходе Первой мировой войны были внесены серьезные изменения в вопросы использования подземного пространства. Существенно расширились теория и практика ведения вооруженной борьбы под землей, маневра сил и средств на важные направления с использованием подземных ходов сообщения. На Западном фронте к 1917 году боевые действия противоборствующих сторон стали носить зачастую наземно-подземный, а иногда и воздушно-наземно-подземный характер. Активно велась минная война.

В межвоенный период многие военные ученые пытались проанализировать и обобщить опыт Первой мировой войны в деле использования подземного пространства. Однако исследования нередко носили бессистемный характер, поскольку чаще всего проводились с точки зрения специалистов инженерных войск, а общевойсковых командиров и теоретиков больше интересовали крупномасштабные и динамичные действия. Тем не менее опыт Первой мировой войны существенно повлиял на взгляды политического и военного руководства на начальный период и характер будущей войны. Многие государства Европы стали огораживать себя «китайскими стенами» XX века. Были спроектированы и в основном построены французская линия Мажино, финляндская линия Маннергейма, усовершенствована линия Зигфрида, создана советская линия укреплений на западной границе. Кроме того, в этот период был получен и обобщен опыт ведения наземно-подземного наступления против наземно-подземной обороны. Так, довольно активно велась подземная минная борьба в ходе войны в Испании (1936—1939), где длина отдельных галерей на центральном фронте доходила до 800 метров.

В годы Второй мировой войны «подземелье» использовалось войсками в основном в ходе вооруженной борьбы за укрепленные районы, в горах и

⁵ Военная энциклопедия/ Под ред. К.И. Величко. СПб.: тип. И.Д. Сытина, 1911. Т. XV. С. 304.

⁶ Минное дело. Руководство для нижних чинов команд минер полевых и крепостных саперных рот. Составил капитан граф Тотлебен. СПб.: Издание В.А. Березовского, 1911.

городах, т. е. там, где была наиболее развита подземная инфраструктура. Наряду с этим был получен опыт укрытия штабов, воинских формирований в пещерах, катакомбах и в других естественных подземных пространствах. Были зафиксированы единичные случаи подземных минных атак.

Видя значимость подземного пространства для достижения успеха при стабилизации фронта, советское командование в 1942 году издало наставление и учебное пособие по подземной минной борьбе, в которых вместо понятия «минная война» были введены термины «подземная минная борьба» и «минная борьба». Отечественные взгляды на ведение этих видов борьбы впоследствии были изложены в различных трудах⁷.

Относительная ограниченность масштабов ведения подземной борьбы в период Второй мировой войны привела к тому, что в послевоенные годы развитию теории использования подземного пространства в ходе боевых действий и ее составной части — понятийному аппарату — уделялось неоправданно мало внимания. Более того, в словаре В.Ф. Шперка вообще исчез термин «подземная минная борьба»⁸, что не соответствовало сущности происшедших изменений. Ведь в годы Второй мировой войны подземные минные атаки были редким явлением и замена термина «минная война» на термин «подземная минная борьба» была бы вполне логична. Ввиду того что подземные помещения и ходы сообщения, подземная инфраструктура городов и укрепленных районов все чаще становились ареной ведения боевых действий как под землей, так и в наземно-подземной, воздушно-наземно-подземной сферах, можно было бы ввести в военную терминологию понятие «подземная вооруженная борьба» или «подземная борьба».

В дальнейшем в связи с появлением ядерного и высокоточного оружия подземное пространство рассматривалось отечественной военной теорией в основном с точки зрения возможностей по укрытию личного состава, вооружения, военной техники и материальных средств. Опыт войн в Корее (1950—1953) и во Вьетнаме расширил спектр способов использования «подземелья» вооруженными формированиями и методов борьбы с противником под землей, на земле, с воздуха и из космоса. Однако к началу 60-х годов XX века этот опыт еще не был обобщен и соответствующих изменений в «подземной» терминологии не произошло. Так, в «Толковом словаре военных терминов» (1966) давались определения только подземным сооружениям и подземной радиосвязи⁹. Использование подземного пространства вооруженными формированиями в общевойсковом бою (операции) в комплексе не предполагалось.

В очередном военно-энциклопедическом издании (1976) появилось понятие «галерейная оборона», базировавшееся на опыте войны в Корее (1950—1953)¹⁰. Правда в статье несколько необоснованно выглядело утверждение о том, что во время Первой мировой войны галерейная оборона распространения не получила, хотя в этом же словаре в статье про минную войну в период 1914—1918 годов (в противовес термину «галерейная оборона») указывалось, что на русско-германском фронте было отмечено около 50 случаев применения подземных минных галерей на суше. На англо-германском фронте в ходе операции «Мессин» англичане

⁷ Наставление для инженерных войск. Подземно-минные работы и минная борьба. М.: Воениздат НКО СССР, 1942; Савич П.Л., Шор Д.И., Вахуркин К.А. Подземная минная борьба и подземные работы. М.: Издание ВИА, 1942; Дашевский Г.А. Подземно-минные работы. М.: Воениздат НКО СССР, 1944; Федорович А., Дашевский Г.А. Подземно-минные сооружения и работы: Учебное пособие для военно-инженерных училищ. М.: Воениздат НКО СССР, 1943 и др.

⁸ Ш пер к В.Ф. Фортификационный словарь. М.: Издание ВИА, 1946. С. 73—74, 82—83.

⁹ Толковый словарь военных терминов (составил полковник С к у й бе да П.И.). М.: Воениздат, 1966. С. 318.

¹⁰ Советская Военная Энциклопедия. М.: Воениздат, 1976. Т. 2. С. 464.

южнее Ипра устроили на участке протяженностью 15 км подкопы и взорвали 19 мощных зарядов, что способствовало успеху их наступления.

Более глубокое изучение опыта использования подземного пространства в войне в Корее (1950—1953) позволяет сделать вывод, что **термин «галерейная оборона» не полностью соответствует сущности действий войск в наземно-подземной проекции.** Северокорейские войска и китайские добровольцы для достижения победы над противником в ходе войны использовали не только галереи, но и другие подземные сооружения различного назначения, причем на основе комплексного подхода. Наличие расположенных под землей объектов промышленности и частично энергетики, позволяло Корейской Народной Армии и китайским добровольцам создавать целые подземные комплексы, которые были непосредственно связаны с наземными оборонительными позициями. Личный состав, техника и вооружение могли и находиться под землей, и занимать боевые (огневые) позиции на ее поверхности. Галереи соединяли отдельные узлы сопротивления, места расположения войск для отдыха, медицинские учреждения, склады, парки боевых машин и др. Кроме того, отрывались галереи для выхода специальных отрядов к замаскированным огневым точкам, вынесенным вперед от переднего края обороны для ведения огня по атакующему неприятелю с тыла. В целом здесь внедрялся опыт использования подземного пространства, накопленный за последние несколько веков.

Исключение составляла подземная минная борьба, которая к этому времени почти совсем не применялась. В энциклопедических изданиях этот термин стал носить исключительно исторический характер. Считалось, что в связи с возрастанием динамичности боевых действий способы ведения «минной войны» потеряли свое значение. Однако в **70—80-х годах XX века, во время борьбы советских войск с моджахедами в Афганистане, подземная минная война вновь стала актуальной,** хотя с точки зрения использования подземного пространства она несколько видоизменилась. Там наряду с широкой кяризной сетью войска мятежников активно минировали пещеры и подземные ходы, использовавшиеся ими для расположения баз, пунктов управления, складов имущества, вооружения, передвижения под землей. Однако военными теоретиками этот опыт не был обобщен и внедрен в практику.

«Военный энциклопедический словарь», вышедший в 1986 году, не внес принципиальных изменений в понятийный аппарат использования подземного пространства вооруженными формированиями. Прежним осталось определение «минной войны» как способа ведения боевых действий с использованием заглубленных зарядов ВВ (подземных мин) и подкопов. Минная галерея рассматривалась как искусственный подземный ход для скрытного подхода к укреплениям противника в целях их разрушения взрывом мины большой мощности, закладываемой в минной камере. При этом также ошибочно утверждалось об ограниченности применения минных галерей во время Первой мировой войны. А в «Словаре военных терминов», изданном в 1988 году, об использовании подземного пространства вооруженными формированиями и «минной войне» никаких сведений вообще не приводилось.

Современные определения также не совсем точно отражают уровень развития теории и практики ведения боевых действий в подземном пространстве в войнах и вооруженных конфликтах. Так, в последнем издании «Военной Энциклопедии»¹¹ «минная война» определяется как способ ведения боевых действий с использованием заглубленных зарядов ВВ (подземных мин) и подкопов, применяющихся наступающими войсками с целью приблизиться к осажденной крепости или укрепленным позициям, взрывом заряда создать в крепостной стене брешь и через нее ворваться в распо-

¹¹ Военная Энциклопедия: В 8 т. М.: Воениздат. 1994—2004.

ложение противника. В определении минной галереи ничего не говорится о допороховом периоде применения мин. Правда, дальнейшее развитие получил термин «галерейная оборона», под которой в конце XX века понималась позиционная оборона, основанная на применении подземных галерей (туннелей), предназначенных для сообщения между огневыми позициями средств поражения, пунктами управления, убежищами и укрытиями, маневра силами и средствами, а также для ведения минной и контрминной борьбы и вентиляции оборонительных сооружений.

Анализируя эволюцию понятий в области использования подземного пространства при ведении боевых действий, можно сделать вывод, что **разработка теории нередко отставала от практики применения «подземелья» войсками**. Зачастую это негативно сказывалось на результатах операций (боев) и иногда приводило к большим потерям. Тем не менее практика ведения подземной минной борьбы, укрытия войск, совершения маневра в годы войн давала толчок к совершенствованию способов подземных минных атак, боевых действий подразделений под землей и др. В мирное время военные теоретики не всегда адекватно оценивали значение опыта использования подземного пространства вооруженными формированиями. «Замирение» эволюции взглядов на использование подземного пространства в военных целях, а точнее, отсутствие концептуального видения возможностей его использования как на стратегическом, так и на оперативном и тактическом уровне является существенным недостатком отечественной теории. Развитие цивилизации как в сторону освоения космоса, так и земных недр **требует своевременного осмысления боевого опыта и приведения теории в соответствие с практикой использования подземного пространства вооруженными формированиями в ходе военных действий**. При решении этой проблемы важно опираться на исторический опыт вооруженной борьбы и эволюцию системы соответствующих понятий. Первым шагом в этом направлении, несомненно, должно стать совершенствование понятийного аппарата в области использования подземного пространства при ведении боевых действий.

Военная деятельность: культурологический анализ

Г.А. АВАНЕСОВА,
профессор МГУ

ВОЕННАЯ деятельность чаще всего анализируется в рамках военных наук, а также с использованием методов таких обществоведческих дисциплин, как философия, психология, социология. Вместе с тем возникают методологические сложности при подходе к ней с позиций *культурологического анализа*. Далеко не все специалисты в области военного дела готовы рассматривать эту деятельность в качестве феномена культуры. Например, Г.П. Белоконев, возражая против введения в научный оборот таких понятий, как «культура войны», «военная культура», отмечает: «Любая война есть акт антикультуры, вандализма, варварства и невежества тех социально-политических сил и правительств, которые порождают эту дикость»¹.

Подобный подход к военной деятельности в нашем обществе не случаен, своими корнями он уходит в предшествующие этапы развития отечественной научной мысли. Однако ныне такая трактовка связей между

¹ Белоконев Г.П. Философия и военная наука// Военная Мысль. 2002. № 5. С. 70.

культурой и военным делом преодолевается как несоответствующая теоретическому уровню. Между тем еще до революции некоторые аналитики (часть из них позднее оказалась в русском зарубежье) рассматривали отечественную военную деятельность как часть русской культуры, хотя и не конкретизировали такое понимание.

Многие современные российские специалисты в области гуманитарных и социальных наук также стихийно анализируют отдельные культурные основания военного дела. Но если читатель обратится к военным словарям или энциклопедиям, то он не встретит там таких понятий, как «военная культура», «профессиональная культура военнослужащих», «культурная работа в военной среде» и др.

Ныне в отечественном обществоведении статус культурологического анализа приобрел общепризнанный характер. Науки о культуре образуют аналитическое междисциплинарное пространство², в рамках которого могут быть переосмыслены отношения между культурой и военной активностью. Например, *историческая культурология* позволяет проследживать и сопоставлять между собой эволюции культурных форм в разные эпохи и у разных народов, выявляя их универсальные, особенные и специфические качества. Военная агрессия начала проявляться на самых ранних, первобытных этапах человеческой культуры, возникнув из необходимости разрешать конфликтные отношения между племенами путем физического противоборства, в котором используются относительно простые средства — дубины, боевые топоры, копья, луки со стрелами и др.

Этологи, антропологи и также военные историки склоняются к тому, что глубинные импульсы военной активности исходят как от биологической, так и от социокультурной сущности человека. Будучи врожденными, импульсы военной отваги, обороны и агрессии получают в общественной практике социальное признание, культурное оформление, закрепляются в поведенческих нормах, в духовных ценностях и символах. Затем эти закрепившиеся культурные единицы с новой силой стимулируют действие биологических механизмов военной агрессии.

С одной стороны, вполне понятно стремление людей древней эпохи защитить свою территорию и близких от завоевателей, сохранив тем самым ресурсы выживания племени. С другой стороны, мирное время аккумулировало в племенном сообществе избыточную энергию, которая требовала выхода, что также заставляло людей прибегать к агрессии. Характерно, что и на более поздних этапах культурной эволюции исследователи вновь столкнулись с этими противоречивыми тенденциями. Так, американский историк С. Маттерн, сопоставив состояние современного американского общества и психологию граждан Римской империи на пике ее могущества, установил следующее: в том и другом случае **агрессивный синдром и жажда военных успехов интенсивно развиваются на фоне материального благополучия, социального мира и политического мирового лидерства, становясь самодовлеющим массовым устремлением и тем самым свидетельствуя о надвигающемся кризисе культуры**³.

Добиваясь впечатляющих результатов, воинственные племена первобытного мира все же не могли превратить военную активность в систематическое занятие, сделать ее более эффективной. Профессионализация военной деятельности осуществилась на следующем этапе человеческой истории, когда усложнилась структура общества, появились

² Аванесова Г.А. Исследования по теории и истории культуры: Учебно-методическое пособие. М.: РАГС, 2004.

³ Mattern S. Rome and the enemy. Imperial strategy in the Principate. Berkeley: Univ. of Caliph. Press, 1999.

социально неравные сословия. Главным фактором, придавшим самостоятельное значение военной активности в структуре культуры, стало формирование института государства.

Государственная и общественная необходимость обусловили превращение военной активности в инструмент регулирования как внутренних отношений, так и внешних взаимодействий. Государство приобрело законодательно оформленное право монопольного использования и развития военной деятельности в общественных интересах при одновременном запрете иным корпоративным и гражданским структурам культивировать ее ради групповых, а порой и антиобщественных целей (в криминальных группах, террористических организациях и др.).

И.А. Ильин, возражая Л.Н. Толстому, который призывал не сопротивляться злу насилием, рассматривает необходимость физического понуждения людей к добру и пресечения зла в реалистическом ключе. Он исходит из того, что любое общество в ряде случаев вправе прибегать к силе: во-первых, когда оно сталкивается с действительным злом, угрожающим социальному благополучию и единству, во-вторых, когда зло не удалось пресечь никакими другими способами, в-третьих, ради поддержания культурного порядка и нравственных императивов (справедливости, защиты слабых, добра и др.).⁴

Институционализация военной деятельности придает ей легитимно-правовой, организованный, технологически упорядоченный характер. Ее воспроизводство и развитие (через подготовку профессиональных кадров, военные учения) осуществляется даже в мирное время. В таком статусе военная деятельность взаимодействует со всеми другими сферами и формами общественной активности, укрепляя свои функции в структуре культуры.

Современный образ жизни и постиндустриальная культура, конечно, заметно меняют соотношение в военной деятельности всех компонентов **принудительно-насильственного потенциала: боевого оружия и техники, физической силы, психологической твердости и культурно-духовных установок военнослужащих**. Так, в войнах XX века во много раз повысилось значение *военнослужащего* как технически грамотного и развитого специалиста. Вместе с тем в настоящее время остро встала проблема недостаточного физического здоровья, слабой психологической и моральной подготовки военнослужащих экономически развитых стран. Например, у американских солдат, участвовавших в военных конфликтах во Вьетнаме, в Сомали и пребывающих ныне в Ираке, всякий раз возникают сходные психологические, поведенческие и духовные симптомы: у них быстро иссякает готовность участвовать в боевых действиях, они устают от постоянного пребывания во враждебной инокультурной среде, у них развиваются ожидания неблагоприятного хода событий и собственной гибели, возникает стремление быстрее вернуться на родину. Деморализующим фактором становится также нежелание граждан США поддерживать затянувшиеся военные операции за рубежом.

Многие специалисты идут дальше в своих суждениях, считая, что оружие массового уничтожения, военная техника и информационные технологии вот-вот подменяют сущность всей военной активности. Речь также идет о возможности виртуализации войны (ведение войны через Интернет и другие глобальные сети), о переходе к бесконтактным боевым действиям, о замене классической войны информационной или войной культур (распространение массовой культуры и потребительских установок). Действительно, военная деятельность, как коконом, окружена плотной оболочкой сопутствующих и вспомогательных видов куль-

⁴ Ильин И.А. Сопротивление злу силою. Pro et contra. М., 2005.

турной активности, которые в определенных ситуациях легко разрушить, не прибегая к обычной войне. Об этом красноречиво свидетельствуют распад СССР, кризис государственности и общественного сознания на постсоветском пространстве.

В течение последних десятилетий Запад подверг интенсивной культурно-информационной атаке сознание нашей элиты, а также психологию молодого поколения, их социализацию и подготовку в мирных условиях к военной деятельности. На целевые группы (представители власти, интеллигенция, подростки и молодежь и др.) были обрушены в большом объеме аудиовизуальная продукция, мощный информационный поток, оказывающие прямое психологическое воздействие, а также позволяющие осуществить более сложное манипулирование сознанием с помощью давно известных приемов. Главная цель, которая преследовалась при этом, — оторвать властную элиту и молодежь от национальных традиций, патриотических чувств и ценностей и сформировать у них интерес к «западной демократии», «политической свободе», «обеспеченной жизни».

Любопытно, что подобная тактика внедрения ценностей массовой культуры и философии постмодерна срабатывает далеко не в каждой стране, так как отторгается традиционной культурой, религиозным сознанием, народной жизнью. Советское общество долгое время гордилось тем, что разорвало связь с традициями предков и овладело достижениями научно-технического прогресса. Однако вооруженный по последнему слову военной науки и техники СССР сдался, по существу, без боя. Причем первой спасовала руководящая элита Советского Союза, отказавшись от какой бы то ни было борьбы и начав разоружаться практически в одностороннем порядке. Стадия открытого и масштабного столкновения не наступила: советская властвующая элита пошла на развал страны к ликованию наших недругов. *Ныне объектами манипулирования продолжают оставаться молодое и среднее поколения современной России.*

Таким образом, тактика психологического и культурно-информационного наступления на общественное сознание противника выгодна на всех этапах противоборства, но особый эффект она способна произвести, если срабатывает до начала «горячей» войны. В этом случае тот, кто ведет подобное наступление, выигрывает войну, не начиная ее.

Тем не менее, на наш взгляд, **говорить об истощенности принудительно-насильственного характера военной деятельности преждевременно.** В наиболее сложных и длительных межгосударственных конфликтах прямое военное столкновение продолжает оставаться *решающим видом противоборства*, которое (и только оно одно) может определить, чего стоит каждая сторона. Такого столкновения агрессору, тем более претендующему на мировое господство, невозможно избежать в принципе, какими бы успешными ни были его предшествующие культурно-информационные или бесконтактные операции. Рано или поздно появится достойный противник, в прямом и переносном смысле прочно стоящий на собственной почве. При встрече с ним «лицом к лицу» придется опираться на то, чем сегодня агрессор не располагает — физической выносливостью, психологической выдержкой, мужеством и силой духа.

Теперь рассмотрим **военную сферу как профессиональную деятельность**, подойдя к ней с нормативно-оценочных позиций. *Военная профессиональная культура*, во-первых, аккумулирует определенный объем специальных знаний, духовных основ, организационных технологий и требований к коллективным и личным качествам военнослужащих, выработанным как историческим национальным опытом, так и под влиянием

современных достижений военного дела; во-вторых, она предполагает высокую степень владения такими знаниями и навыками, а также умелое их применение в боевых условиях.

В научной литературе нередко исследуется армейская среда, заметно отличающаяся от гражданской профессиональной среды спецификой организации, четко выраженной иерархичностью, субординацией, закрепленной в системе воинских званий и должностных обязанностей. Сравнительный анализ позволяет судить о качестве профессиональной военной культуры в разных родах войск. В целом такому анализу могут быть подвергнуты самые разные аспекты военной деятельности, включая процессы военной модернизации или рационально-управленческие технологии военной деятельности на уровне высшего командного и офицерского состава армии (или армий разных стран).

Вместе с тем существует определенная совокупность параметров, по которым оценивается общий уровень профессиональной подготовленности и военной культуры применительно к основной части военнослужащих в мирное время и в боевых условиях. Например, в мирное время о наличии профессиональных навыков свидетельствуют данные об уровне специального образования и военно-профессиональной квалификации военнослужащих, о ходе боевой подготовки, о результатах участия в военных учениях, о соблюдении дисциплины и уровне правонарушений и т. п. В боевой обстановке на первый план выступают другие параметры, связанные с материальными потерями, потерями в живой силе, характером и итогами конкретных боев и т. п.

Только на основе высокой профессиональной культуры возможен феномен **военного искусства** как проявление военнослужащими высшего мастерства, интеграции всех человеческих возможностей для достижения победы даже в самых неблагоприятных условиях. Понятие «военное искусство» обычно используют по отношению к конкретным полководцам, военачальникам. Речь идет о тех случаях, когда они демонстрируют, во-первых, выдающиеся личные способности в проведении успешных военных кампаний, умение стратегически мыслить, упреждать маневры противника, распоряжаться наличными боевыми ресурсами; во-вторых, высокое качества руководителей и организаторов масштабных воинских соединений и творцов победы. Думается, что военное искусство — качество, присущее не только представителям высшего командного состава, им могут и должны обладать офицеры среднего звена, сержантский состав, а также рядовые, особенно если их ратный труд связан со сложными профессиональными навыками, необходимыми для мастерского владения коллективным и индивидуальным оружием.

В тесной связи с понятиями «профессиональная военная культура», «военное искусство» находится представление о **культуре войны**, которую можно рассматривать в двух аспектах. С одной стороны, это народные стереотипы, связанные с поведением военнослужащих и гражданского населения в военный период, характером связей между воюющей армией и тылом, проявлением национального характера в отношении к неприятелю и т. п. С другой стороны, культура войны — это определенный свод выработанных межгосударственных норм и требований, касающихся действий враждующих сторон по отношению друг к другу до начала, в ходе и после окончания войны, а также по отношению к военнопленным, гражданскому населению противника, к материальным и культурным ценностям на чужой территории.

Выступая частью политико-государственной сферы, **военная деятельность прямо и опосредованно связана с хозяйственной и правовой практикой, с духовными сферами (культурой, наукой, философией, религией, искусством,**

образованием), а также с областью быта, досуга и семейных отношений.

В истории военной деятельности особенно важную роль играла *вера* и *религиозная идеология*. Именно религия (а не политическая идеология, искусство или наука) вырабатывает опыт понимания сокровенной сущности жизни, значения смерти человека перед лицом временного и вечного. В условиях войны смысл и ценности религиозного сознания, а также вера людей приобретает огромное значение, которое сохраняется вплоть до настоящего времени.

Наряду с религиозным сознанием в развитии военной активности немалую роль играет научно-теоретический анализ, ее отображение посредством художественных образов, а также использование военной тематики в средствах массовой информации. В рамках социокультурной политики любого государства через процессы воспитания и образования молодых поколений обычно реализуется система общественных стимулов и мотивов, побуждающих молодежь уважать ратный труд, становиться профессиональными военными.

В любой стране **военная деятельность сохраняет связь с мироощущением и психологией народа, с его историческим опытом и традициями**. Конечно, далеко не каждый этнос вырабатывает прочные психологические и культурно-исторические основы военной деятельности. Поэтому государство, интегрирующее разные этносы, как правило, опирается на опыт наиболее подготовленных в военном отношении народов.

Примечательно, что отечественная военная деятельность первоначально базировалась на русской культуре и отчасти на культуре угро-финских народов, живших бок о бок с русскими. При этом связующей основой для военной деятельности являлась православная идеология, а также общее представление русских о смысле жизни, о роли православия и России в истории⁵. Эти составные компоненты этнодуховных ценностей и стали базовыми в развитии *российской военной культуры*. Народы России рассматривали войну как бедствие, вынужденное зло, которое, однако, способно предупредить еще большие несчастья. Вся предшествующая история много раз ставила русских перед необходимостью защищать свою территорию от посягательств извне. Немало трудностей также создавали воинственные соседи, которых приходилось замирать. Проводя в XIX веке военную политику по усмирению воинственных горцев Кавказа, совершавших набеги на мирных землепашцев юга России, А.П. Ермолов руководствовался известным принципом — **надо вовремя показать свою силу, чтобы избежать впоследствии ее применения**.

Долгий период в дореволюционной России военная служба традиционно считалась обязанностью русских крестьян и привилегией русских дворян. Но по мере включения в рамки российской государственности разных этносов их военный опыт так или иначе влиял и на развитие всей военной культуры страны. Уже в XIX веке военную карьеру могли делать представители других сословий и, что примечательно, представители многих народов и этнических сообществ, входивших в состав Российской империи — остзейских немцев, народов Кавказа и Закавказья и др. В некоторых случаях на основе военного опыта других этносов в составе армии формировались специальные подразделения. В дореволюционный период в царской армии были казачьи войска, состоявшие из башкир, в период Первой мировой войны на фронтах действовали разные этнические территориальные соединения: «дикая дивизия», состоявшая из горских народов Кавказа; армянские добровольческие бригады; юго-славянская дивизия; текинский конный полк и др.⁶ В Красной Армии в 30-е годы были сформирова-

⁵ Гиблинский В.И. Русская идея и армия. М., 1997.

⁶ Керсновский А. История русской армии. М., 1994.

ны бурятские кавалерийские соединения. Таким образом, в стране развивалась военная практика, которая при сохранении духовных основ русской военной культуры одновременно вбирала в себя военный опыт других народов страны.

При рассмотрении военной деятельности особого внимания заслуживает **бытовая культура военнослужащих**. Ведь процветающая ныне в казармах «дедовщина» — не что иное, как проявление низкой бытовой культуры прежде всего солдат и сержантов. Не случайно поэтому в армиях многих развитых стран ныне пытаются решать проблемы бытовой культуры и культуры досуга путем проведения *специальной работы среди военнослужащих*.

Что касается проведения свободного времени российскими военнослужащими, то здесь речь должна идти, во-первых, о развитии в армейской среде норм общегражданской культуры, умении представителей офицерского, сержантского и рядового состава бесконфликтно общаться друг с другом за рамками служебных отношений, во-вторых, об организации досуга, заполнении свободного времени развивающими занятиями. К сожалению, пока нельзя говорить о том, что эта проблема успешно решается высшим командованием, хотя определенная работа в этом направлении ведется.

При наличии широких связей с другими сферами культуры и с разными сторонами жизни населения **военная деятельность не утрачивает своей специфики и самостоятельности**. Вместе с тем развитие военной активности в рамках современной культуры может быть реализовано лишь через *совокупные социокультурные механизмы*, которые позволяют формировать национальное достоинство, чувство патриотизма, осознание важности личного долга по защите Отечества и т. п. Все это усложняет связи и отношения между политикой и государством с одной стороны и военной деятельностью — с другой, народной культурой, общественным сознанием, конкретными гражданами — с третьей.

Нами были рассмотрены лишь наиболее очевидные аспекты военной деятельности, к которым применим культурологический анализ. В данном случае, по нашему мнению, важна сама постановка вопроса о **необходимости целостного изучения военной активности как явления культуры**. Такой подход позволяет рассматривать многие аспекты и качества военной активности с позиций их культурной сущности, во взаимосвязи с традициями и инновациями, в контексте общекультурной динамики конкретного общества. Культурологический анализ позволяет добиться наибольшей глубины в изучении смысла и ценностей военной деятельности, нормативно-технологических и организационных ее сторон, а также культурных коммуникаций, этнонациональной специфики, межкультурных и межцивилизационных военных взаимодействий.

В последние годы отечественные исследования выходят на более высокий уровень обобщения проблем войны, военной активности, насилия в истории общества и культуры. Не имея возможности остановиться специально на этих аспектах, укажем лишь, что культурно-военная проблематика нередко рассматривается в нашем общественном сознании с предельно широкими теоретических позиций, в частности в рамках теории цивилизаций. При этом речь идет не о конкретизации достаточно прямолинейно сформулированной идеи Хантингтона о неизбежности столкновения цивилизаций, а об аналитическом внимании к тем факторам и условиям, которые позволяют избежать войны или сгладить ее антигуманные последствия в процессе межкультурного взаимодействия⁷.

⁷ Сравнительное изучение цивилизаций. Сост. Б.С. Ерасов. М., 1998.

Определенный интерес вызывает также сравнение *военного* и *культурно-символического* насилия. И то, и другое доминирующая в современных условиях глобального мира мировая цивилизация способна оказывать на разные народы. О.А. Сергеева приходит к выводу, что в этом случае нельзя однозначно определить, военное или духовное поражение является для культуры более губительным. Военное поражение разрушает материальные объекты, ведет к уничтожению части населения, духовное способно начать безальтернативное разрушение социокультурных институтов, включив механизмы саморазрушения, что обрекает народ на протivoестественную деградацию и подчиненное положение⁸.

Наконец, важен еще один подход к исследованию роли войны, который, в частности, использует А.П. Назаретян. Он рассматривает войну как антропогенный фактор в универсальной истории человеческой культуры, а также в масштабах планетарного развития человечества. В своем исследовании автор приходит к неутешительному заключению: экологические кризисы, войны и катастрофы в обществе порождаются не столько «материальными», сколько искаженными «духовными» потребностями людей: бескорыстной тягой к социальному самоутверждению, самовыражению, приключениям и подвигам, что рано или поздно приведет к самоуничтожению человечества⁹. Безусловно, подобный вывод выглядит весьма спорным. Но главное в том, что основными причинами планетарного самоуничтожения названы такие явления, как война и духовная культура человека.

Актуальные вопросы прохождения военной службы женщинами в вооруженных силах стран СНГ

Капитан юстиции Е.А. СТРЕНИНА

СТРЕМЛЕНИЕ женщин к социальному равноправию с мужчинами, к выполнению более широких социальных функций привело к кардинальным изменениям их роли в обществе. Женщины все более активно участвуют в традиционно мужских видах деятельности, в том числе таких, как политика, государственное управление, предпринимательство и армия¹. В настоящее время военная служба женщин уже не выглядит необычным явлением и представляет собой пример преодоления их социального неравенства.

Служба женщин в армии имеет длительную историю, однако дебаты относительно феминизации армии продолжают практиковаться во всех странах мира, где они проходят военную службу, и даже в тех государствах, которые далеко продвинулись в обеспечении равенства обоих

---

⁸ Сергеева О.А. Особенности современных цивилизационных процессов. М., 2002. С. 68.

⁹ Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. М., 2004. С. 169.

¹ Женщины в управлении — безопасность в стране и мире. М., 1999.

полов. Существуют разные оценки проблемы привлечения женщин к военной службе. Некоторые исследователи рассматривают понятие «женщина-солдат» как противоестественное, утверждая, что женщинам не место в армии: они дезорганизуют уклад армейской службы, снижают дисциплину, провоцируют сексуальную активность мужчин. Сторонники противоположной точки зрения полагают, что вопрос о том, быть или не быть женщинам в армии, давно снят с повестки дня. Женщины служат во всех видах и родах войск, занимают различные должности и носят звания от рядового до генерала, не хуже, а в некоторых случаях лучше мужчин выполняют свои обязанности и даже могут способствовать укреплению дисциплины и этических норм общения на военной службе.

Стремление женщин в армию в значительной степени обусловлено историческими и национальными условиями, социально-экономическими факторами развития каждого государства, а также внутренними стимулами и морально-этическим нормами. Россия — страна с давними традициями службы женщин в Вооруженных Силах, куда они привлекались еще при Петре I. Устав 1716 года (гл. 34) предписывал представительницам слабого пола нести службу воинству в военных госпиталях, на хозяйственных и санитарных работах². Российские женщины принимали участие почти во всех войнах: Отечественной войне 1812 года, Русско-японской, Первой мировой, Гражданской. Нехватка людских ресурсов в период Великой Отечественной войны обусловила необходимость не просто их призыва в СА и даже ВМФ, но и формирования специальных подразделений, которые комплектовались женщинами со всей территории СССР. Их количество на военной службе в этот период достигало 800 тыс. человек.

Активный процесс интеграции женщин в вооруженные силы в странах СНГ связан с различными *факторами*, в связи с которыми для них открылись новые возможности и которые вызвали их приток на военную службу. В о - п е р ы х, это переход к принципу *добровольного комплектования* армии, в о - в т о р ы х, расширение круга *военных специальностей*, в которых стали использоваться женщины, в - т р е т ь и х, *профессиональный рост* женщин, который позволил им продвигаться по службе и занимать все более высокие должности, и, наконец, их желание принимать участие в *военных операциях*. Так, например, в Российской Федерации за личное мужество, проявленное в ходе контртеррористической операции на территории Северного Кавказа, государственных наград удостоены более 600 женщин-военнослужащих³.

В большинстве стран — участников СНГ происходят изменения в государственной политике в отношении военнослужащих-женщин, важнейшей особенностью которых становится снятие ограничений на прохождение службы в различных видах вооруженных сил и преодоление дискриминации по половому признаку. За последнее десятилетие значительно изменились как статус, так и численность женщин в вооруженных силах этих стран.

В Вооруженных Силах *Российской Федерации* проходят службу на должностях офицеров, прапорщиков и мичманов, военнослужащих рядового состава по контракту более 90 тыс. женщин, из них около 4 тыс. — офицерами и более 25 тыс. — прапорщиками и мичманами. Почти 300 женщин имеют воинские звания полковник и подполковник,

² Женщины в истории российской армии// Военно-исторический журнал. 1992. № 3. С. 86—89.

³ Министерство обороны Российской Федерации. Официальный сайт. <http://>

свыше 800 — майор. Как правило, у всех офицеров-женщин — высшее образование, они проходят службу в основном по специальностям медицинской службы (около 72,5 %), войск связи (более 7 %), финансовой службы (4,3 %), военного перевода (более 2 %). Свыше 35 % женщин-прапорщиков (мичманов) имеют высшее профессиональное, а остальные — среднее военное и гражданское специальное образование. В большинстве своем они состоят на должностях по специальностям связи (почти 20 %), штабным (более 15 %), войскового хозяйства (13,6 %), медицинским (около 10 %). В настоящее время в высших и средних специальных учебных заведениях обучаются свыше 300 женщин в звании прапорщик (мичман).

Более 60 тыс. женщин-военнослужащих проходят службу по контракту на должностях солдат и сержантов. Они служат практически во всех видах Вооруженных Сил и родах войск. Наибольшее число женщин служит в Сухопутных войсках, Военно-воздушных силах и Ракетных войсках стратегического назначения. Они состоят главным образом на должностях радиотелеграфистов, телефонистов, планшетистов, делопроизводителей и медицинского персонала⁴.

По данным управления кадров министерства обороны *Республики Беларусь*, в вооруженных силах этого государства проходит службу более 4 тыс. военнослужащих-женщин. Среди них 66 — офицеров, 624 — прапорщика и более 3400 — сержантов и солдат-контрактников. По отношению количества военнослужащих-женщин к общей численности вооруженных сил это государство сегодня соответствует уровню таких развитых западных стран, как Бельгия, Великобритания, Дания, Франция, и значительно опережает в данном отношении Грецию, Испанию, Нидерланды, Норвегию, Турцию и ФРГ, но в то же время намного отстает от Канады и США. Вместе с тем при прохождении военной службы женщинам приходится сталкиваться с различными трудностями: ограниченными возможностями в продвижении по службе, назначении на должности, получении ряда военных специальностей. В белорусских вооруженных силах существует специальный перечень специальностей и должностей офицерского состава (всего около 30), на которые могут быть назначены женщины. Значительные ограничения существуют и при замещении женщинами-военнослужащими должностей прапорщиков, сержантов и солдат.

В вооруженных силах **Украины** проходят военную службу 110 тыс. женщин, которые занимают почти каждую четвертую должность в армии. Больше всего из них (более 47 тыс.) работают в крупнейшем по численности виде ВС — сухопутных войсках (около 1700 — офицеры и прапорщики), также много их в войсках ПВО. Все они имеют возможность получать специальное образование (например, в Военном институте Киевского национального университета им. Т. Шевченко).

В вооруженных силах **Киргизской Республики** служат 257 военнослужащих-женщин, составляя около 7 % от общего количества личного состава. Из них 2 % носят офицерские погоны (по одной — полковник и подполковник, 7 женщин служат в звании майор и 10 — капитан, 15 старших лейтенантов и один лейтенант). Как правило, все офицеры-женщины имеют высшее образование и проходят службу в основном по специальностям медицинской службы, войск связи и финансовой службы. 30 % женщин-военнослужащих служат в звании прапорщик и в

⁴ Министерство обороны Российской Федерации. Официальный сайт. <http://www.mil.ru>. [htm](http://www.mil.ru).

⁵ КыргызИнфо.htm.

большинстве своем состоят на должностях по специальностям связи, штабным, войскового хозяйства, медицинским. Они проходят службу также в силах немедленного реагирования⁵.

В *Казахстане* в соответствии со ст. 1 «Закона о статусе и социальной защите военнослужащих и членов их семей», принятого 20 января 1993 года, женщины имели право проходить военную службу только на должностях старшин, сержантов и рядовых, однако после изменений, внесенных в закон 8 июня 2003 года, это ограничение было снято, что значительно расширило возможность их использования в различных воинских формированиях.

Каковы же основные причины стремления женщин к военной службе? В современных условиях, когда женщины служат в армии по контракту, одно из первых мест занимают экономические причины — более высокое денежное обеспечение по сравнению с гражданским сектором. Наряду с этим во многих странах служба в армии дает им возможность бесплатно получить среднее специальное или высшее образование, овладеть специальностями, которые могут использоваться в дальнейшей гражданской жизни. Чувство социальной обеспеченности, постоянный заработок, бесплатное жилье, питание, медицинское обслуживание, обмундирование и ежегодный оплачиваемый отпуск, различные льготы и денежные надбавки — все это привлекает женщин в армию. Немаловажную роль в стремлении женщин на военную службу играет и такие факторы, как возможность устроить личную жизнь, найти друзей, а также продолжить семейные традиции.

Страны — участники СНГ используют опыт других государств, имеющих давнюю историю интеграции женщин в армию, для пополнения квалифицированными кадрами, а также подбора наиболее эффективных форм и методов привлечения женщин на военную службу с учетом их физиологических и морально-психологических особенностей. В связи с тем, что военная служба нередко сопряжена с действием на организм неблагоприятных факторов, а также с различными экстремальными условиями, достаточно актуальной является задача сведения к минимуму негативных последствий военной службы для здоровья женщин.
